

Буквальные и метафорические смыслы понятия ψυχαγωγία

Понятие ψυχαγωγία («душевождение») и его различные формы первоначально обозначали процесс призвания мертвых, заклинание душ подземного мира для их явления в мир живых. Примеры такого употребления находятся у Еврипида, когда в «Алкестиде» (1128), Геракл убеждает Адмета, что он «не заклинатель душ» (οὐ ψυχαγωγὸν τόνδ' ἐποιήσω ξένον), и перед ним Алкеста, а не ее φάσμα, и у Эсхила в «Персах» (687), в речи тени (εἰδῶλον) Дария (ψυχαγωγοῖς ὀρθιάζοντες γόοις οἰκτρῶς καλεῖσθ' ἐμ').

Магическая сила речи, способная увлечь, обратить и изменить место души, но уже в пределах мира живых, рассматривается в «Похвале Елене» Горгия. γοητεία καὶ μαγεία способны διὰ λόγων оказывать воздействие на душу. Это воздействие у Горгия выражается еще не единым словом ψυχαγωγία, но перечислением (ἔθελε καὶ ἔπεισε καὶ μετέστησε). Далее, Исократ уже вне магического контекста обозначит силу поэтических приемов понятием ψυχαγωγία. В речи «К Никоклу» (II 49) Исократ использует его при рассмотрении того, как поэты и трагики способны «привлечь внимание слушателей» (τοὺς ἀκροωμένους ψυχαγωγεῖν). В «Эвагоре» (IX 10) сообразность поэтического слова с «размером и ритмом» (μέτρων καὶ ῥυθμῶν) позволяет поэту «очаровать слушателей» (ψυχαγωγοῦσιν τοὺς ἀκούοντας), что недоступно оратору.

На двусмысленности слова построен один отрывок из Аристофана: в «Птицах» Сократ «вызывает души» (ψυχαγωγεῖ), что, вероятно, помимо буквального смысла может отсылать и к представлениям о деятельности Сократа как о своего рода ψυχαγωγία (см. Teloh, где диалектика рассматривается как связь ψυχαγωγία и ἔλεγχος).

Сам Платон вне рассуждений о риторике использует термин дважды. В «Тимее» (71a) слово используется для описания вожделеющей части души, которая призвана «обольщаться игрой подобий и призраков» (εἰδώλων καὶ φαντασμάτων ψυχαγωγῆσοιτο). В «Законах» (909b) ψυχαγωγία упоминается в буквальном и в метафорическом смысле при порицании тех, «кто обольщает людей» (τῶν ἀνθρώπων ψυχαγωγῶσι), обещаниями «вызывать души умерших» (τοὺς τεθνεῶτας ψυχαγωγεῖν).

В «Федре» Платон впервые употребляет термин как имя и впервые при обсуждении риторики. Первое употребление определяет риторику как искусство воздействия на душу посредством слов (ψυχαγωγία τις διὰ λόγων, 261a), что по смыслу соответствует расхожему пониманию риторики как искусства убеждать души и не вызывает прямого несогласия у Федра. Дальнейшие рассуждения и аргументация приводят к новому значению: сила речи заключена в ψυχαγωγία (λόγου δύναμις τυγχάνει ψυχαγωγία οὖσα, 271d), а для искусства риторики

необходимо знать виды души. Риторика, построенная на «новом» понимании ψυχαγωγία, предполагает философию и диалектику, знание и заботу о собственной душе и душе собеседника. Такая риторика способна увлечь к самому существенному направлению: истине и благу. Последнее невозможно внешними узорами речи: магическими заклинаниями, соблюдением размера и ритма и риторическими фигурами.

Интересна и сама логика, которая позволила выбрать Платону именно этот термин для определения риторики. С одной стороны, здесь можно увидеть сознательную «нейтрализацию», очищение от нагруженности первоначальных смыслов и попытку дословного понимания феномена, который должна обозначать ψυχαγωγία. С другой стороны, контекст «образов» и «призраков» не обязательно устраняется, но переносится в сторону проблем речей и риторики как искусства. Можно сказать, что всякие «призрачные» рассуждения, если они возникли в ходе ψυχαγωγία «вызваны» лишь с тем, чтобы от них избавиться («Теэтет»). Платон сохраняет место для образности, но лишь в том случае, если она соотносится по смыслу с новым пониманием ψυχαγωγία. Кроме того, процедура ψυχαγωγία телеологична: ее целью для Платона является обращение к философии и диалектике, даже если на некоторых шагах возможно использование иносказаний, мифов и уподоблений (см. вторая речь Сократа и мифы в «Федре»), сообразных складу души собеседника.